

Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 гг.

Александр Куприянов

Electoral fraud: the practices of Russia's nobility, 1775–1863

Alexandr Kupriyanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Что мы понимаем сегодня под фальсификацией выборов? Одним из самых распространённых в современной социологической и политологической литературе является определение этого явления из Оксфордской иллюстрированной энциклопедии «Народы и культуры» (под ред. Р. Хоггарта): «Фальсификация выборов (electoral fraud) – манипуляция избирательным процессом для получения результатов, не отражающих свободу выбора электората. Злоупотребления могут иметь широкий спектр: лживая пропагандистская кампания по дискредитации соперничающих кандидатов; подкуп и запугивание избирателей (коррупция); повторные голосования; джерримандеринг (манипуляция с нарезанием границ избирательных округов для обеспечения численного преимущества электората той или иной партии или социального класса); махинации с подсчетом голосов)»¹.

Данное определение требует адаптации к условиям проведения выборов в эпоху до появления политических партий. Слово «фальсификация» (злостное, преднамеренное искажение данных; заведомо неверное истолкование чего-либо; изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, подделка) в русском языке появилось довольно поздно. «Национальный корпус русского языка» фиксирует его в 1849 г. Поэтому в избирательном законодательстве рассматриваемого времени оно отсутствует. Современники говорили о «нарушениях», «подтасовках», «искажениях», «беспорядках», «отступлениях» и т.д. Однако далеко не ко всем подобным явлениям применимо понятие «фальсификация». С учётом необходимой исторической коррекции я понимаю под фальсификацией выборов намеренные действия лиц, ответственных за их организацию и проведение, а также других участников избирательного процесса с целью достижения результатов, отличных от волеизъявления избирателей. Задача данной статьи – систематизировать нарушения законов, имевшие место на дворянских выборах дореформенной эпохи, с целью выявить те из них, которые вызывали неприятие современников (от порицания до открытого протеста), и те, которые де-факто ими оправдывались. Правонарушения, искажавшие итоги голосования (баллотирования) и, что особенно важно, осуждаемые избирателями, – это, на мой взгляд, и есть фальсификация. Разграничение между оправдываемыми современниками отклонениями от предписанных законом избирательных процедур и фальсификациями приблизит нас к пониманию, в

какой мере дворянские выборы были честными и соответствовали представлениям современников о справедливости.

Нижняя хронологическая граница исследования – 1775 г., когда были приняты «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», вводившие конкурсный порядок замещения ряда уездных и губернских должностей посредством дворянских выборов. Верхней хронологической границей служит 1863 г. – последний перед введением земств, изменивших сложившийся баланс властных полномочий в местном управлении.

Классификацию способов фальсификаций выборов российские эксперты разрабатывали применительно к нашим дням². Поэтому её нельзя эффективно применить к выборам XVIII–XIX вв. Главное отличие тогдашних выборов от современных заключается в первую очередь в большей слитности участников избирательного процесса. Избирательная комиссия как специализированный орган отсутствовала, её отдельные функции выполняли разные субъекты избирательного процесса – предводители дворянской корпорации, главы губернской администрации, чиновники, прикомандированные в помощь предводителям для исполнения технической работы, собрание предводителей и депутатов дворянства, а также сами избиратели и кандидаты. Причём избиратели и кандидаты долгое время формально не были отделены друг от друга. В идеале, по замыслу Екатерины II, надлежало баллотировать каждого дворянина на все выборные должности. Впрочем, такая функциональная близость участников выборов и отсутствие коррумпированных избирательных комиссий не стали гарантией от фальсификации: разнообразные её практики имели место на всех основных этапах электорального процесса – подготовки, голосования, подсчёта голосов, оформления документов о результатах голосования, утверждения его итогов.

Главная задача для желавших повлиять на результаты голосования состояла в том, чтобы сформировать «удобный» состав участников дворянского съезда. Ситуация для них облегчалась тем, что не все дворяне имели избирательные права, которые были предоставлены лишь потомственным дворянам, получившим на действительной службе обер-офицерский чин, владевшим населённой деревней, достигшим 25 лет. В дальнейшем эти цензы дополнялись, корректировались и, главное, обрастали бюрократическими требованиями к доказательствам дворянских прав. На этой стадии выборов большие возможности для злоупотреблений служебным положением были у уездных предводителей дворянства. Именно они готовили списки допущенных к участию в выборах. Используя определённую неоднозначность и разновременность правительственных актов, регулировавших избирательные права, многие уездные предводители активно формировали корпус избирателей. Они допускали к выборам тех, кто таких прав не имел (не служил в обер-офицерском чине, не достиг установленного возраста, не владел имением, имел судимость, позже – не предоставил указ об отставке со службы, не был внесён в родословную книгу дворянства губернии), и отклоняли имевших несомненное право участия.

Запутанность российского законодательства, особенно до 1831 г., вела к тому, что в условиях борьбы между группировками вопрос о предоставлении права «класть шар» порой приобретал характер острого конфликта. Так, в декабре 1803 г. из 37 дворян Лебедянского уезда Тамбовской губ., желавших участвовать в выборах, голосовали лишь 22 человека. По мнению 15 недовольных

---

² В систематизированном виде проблема фальсификации выборов в современной России изложена в книге: *Парамонов Д.О., Кириченко В.В. Методы фальсификации выборов.* М., 2003.

дворян, отстранённых или добровольно покинувших съезд, из 22, допущенных к баллотированию, 17 сами не имели права голоса. Согласно же обвинениям с обеих сторон, из 37 собравшихся лишь 8 (21.6%!) могли законно участвовать в выборах. Собрание уездных предводителей и депутатов дворянства оказалось более либеральным: подсчёт принятых им решений по каждой из спорных кандидатур показывает, что к выборам следовало допустить 26 из 37 человек, или 72.2%. В отношении же прапорщика Матвея Кузмина собрание не пришло к общему решению и передало этот вопрос «на разрешение вышней власти»³.

Были ли способы борьбы с произволом уездных предводителей при составлении избирательных списков? Да, вначале это были жалобы в вышестоящие органы – губернскому предводителю дворянства, губернатору, генерал-губернатору или даже императору. В первом случае жалоба иногда позволяла решить вопрос оперативно. Нарушения же массового характера требовали более длительного рассмотрения, но порой удавалось достичь положительного результата. Таковым следует считать решение по конфликту на упомянутых выборах в Лебедянском уезде. 10 декабря 1803 г. 15 недовольных дворян пожаловались губернатору на предводителя Дехтерева и уездного судью Голофеева, которые «выбирали по согласию своему кого хотели, а таковых, коих и выбирать не должно, и отдалили многих под видом будто разных пороков дворян, дабы тем убавить число баллов». 18 января 1804 г. последовал указ тамбовского губернского правления о новых выборах, а 20 января – соответствующее решение собрания уездных предводителей и депутатов⁴. При апелляции к центральным органам власти недовольные требовали предоставления избирательных прав на следующих выборах или признания состоявшихся недействительными.

Как правило, вопрос о допуске к избирательным урнам решался коллегиально – собранием уездных предводителей дворянства и депутатов дворянства от каждого уезда под председательством губернского предводителя. Наконец, ещё одним институтом, корректировавшим действия предводителя, было само собрание уездных дворян, прибывших на выборы. Перед баллотированием зачитывали список их участников и любой из присутствующих мог поставить вопрос о допуске к баллотированию конкретного лица. Впрочем, консенсус дворянского собрания относительно правомерности допуска к выборам своих сочленов не означал такого же признания со стороны власти. Так, тверские выборы 1821 г. были аннулированы правительством из-за массового допуска к голосованию лиц, не представивших необходимых документов⁵. Тогда же дворянские выборы в Казанской губ. из-за участия в них лиц, находившихся под судом, не имевших аттестатов с последнего места службы, не внесённых в родословные дворянские книги, велено было «уничтожить». А сенатору В.Ю. Соймонову поручено провести новые «на остальное время трёхлетия, то есть на один только 1823 год»⁶.

Тверская и казанская (были и другие) практики допуска к выборам дворян, не предъявивших всех формальных доказательств для участия в выборах, хотя и нарушали действующее законодательство, не были фальсификациями. Во-первых, они применялись для групп дворян (например, не внесённых в

³ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГА ТаО), ф. 161, оп. 1, д. 837, л. 214–220 об.

⁴ Там же, л. 213, 213 об., 220 об., 223 об.

⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 1, 1821 г., д. 253, л. 619–632 об.

⁶ Там же, ф. 1341, оп. 24, д. 560, 1823 г., л. 1, 15.

родословные дворянские книги, но обладавших чином, дававшим право на потомственное дворянство), а не для отдельных лиц, во-вторых, были результатом достигнутого консенсуса на уровне губернской корпорации. В глазах дворянства эта редукция требований к участникам собраний была мерой вынужденной и оправданной, поскольку неукоснительное соблюдение всех регламентаций избирательного законодательства вело к неоправданному сужению круга избирателей.

Обряд выборов 1766 г. предусматривал возможность подачи голоса не только прибывшими на собрание, но и отсутствовавшими. Своё мнение они могли выразить письменно, заявляя, что отдают свой голос за определённого кандидата или на волю дворянского собрания. Этот древний прообраз современного досрочного голосования также открывал большие возможности для искажения результатов выборов. Предприимчивые дельцы ездили по округе и собирали доверенности от тех, кто не мог или не хотел ехать в губернский город на выборы. Индифферентное отношение значительной части дворянства к выборам привело к тому, что лица, имевшие намерение занять кресло председателя или наиболее «доходную» должность – земского исправника, легко запасались голосами отсутствующих лиц. Большое распространение такая тактика имела в Малороссии. Её апофеозом стали выборы в Волынской губ. в 1809 г., на которые явилось 78 человек и было представлено 417 доверенностей, «не означающих имени избираемого», 2 «на лицо графа Платера» и 112 на помещика Михайловского. Съехавшиеся для выборов избиратели поняли, что при таком раскладе от них вообще мало что зависит, и просили губернатора ходатайствовать перед верховной властью о ликвидации доверенностей на выборах. В итоге обращение волынского губернатора послужило основанием для отмены правительством голосования по доверенности в 1810 г.⁷

Аналогичное использование доверенностей практиковалось, хотя и в меньших масштабах, в Центральной России. Так, в 1803 г. подольский земский исправник Ильинский запасся одобрительными записками от 8 отсутствующих дворян. Однако съехавшиеся на выборы отклонили эти голоса, что пытался оспорить Ильинский. Предводитель дворянства Московской губ. П.М. Дашков был солидарен с решением собрания: «подольское дворянство по образу протчих уездов положило не принимать таковое доверие, ибо легко могло бы произойти от оных притеснительной в баллах присутствующим перевес»⁸. Таким образом, московское дворянство само без указов правительства закрыло один из каналов электоральных фальсификаций.

Иногда имел место и прямой подкуп избирателей. Выборы на уездные должности часто фальсифицировались с помощью найма некоторыми кандидатами мелкопоместных, а часто вообще беспоместных дворян. Свидетельства о таких практиках сохранились в источниках из Поволжья, Подмосковья, южных губерний России, Малороссии, Литвы. Красочно описаны «запасные» (бедные дворяне, торгующие своими голосами) в пьесах Г. Квитка «Дворянские выборы» и «Дворянские выборы, часть вторая, или Выборы исправника»⁹. Борь-

⁷ Там же, ф. 1151, оп. 1, 1810 г., д. 100, л. 2–3, 9.

⁸ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы), ф. 4, оп. 1, д. 176, л. 532.

⁹ См.: *Куприянов А.И.* Дворянские выборы глазами забытого драматурга // Историк и художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 115–130.

бу с этим явлением вели посредством ужесточения требований к предоставлению доказательств о владении недвижимостью. Однако изобретательные проходимцы придумали, как обойти имущественный ценз. «Поверит ли кто, что иные из благородных для усиления шаров на свою сторону в пользу или противу кого-либо, привозили с собой в город по пяти и более бедных помещиков, чтоб дать им право на голос, продавали им на время участки земли, кои после возвратными купчими отнимали, напрокат брали им мундиры, кормили своею живностью, поили даровой сивухой и после выезжали в уезд с званием предводителей», – писал в мемуарах И.М. Долгоруков о выборах 1802 г. во Владимирской губ.¹⁰

После 1831 г. «запасные» стали играть менее заметную роль, но не исчезли, как можно было ожидать после введения крупного имущественного ценза (100 душ крепостных мужского пола). В мемуарах саратовского уездного предводителя дворянства В.А. Шомпулева есть упоминание о том, как формировались некоторые дворянские «партии» на выборах 1860 г. в Саратове. Приведу этот фрагмент полностью: «К гостиницам подъезжали тройки в больших саях, битком набитых дворянами, – это некоторые предводители везли своих избирателей, доставляя на свой счёт в город, где и содержали их до окончания выборов»¹¹. При сопоставлении «своих избирателей» с «запасными» – наёмными участниками выборов до 1831 г. – в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что первые были людьми состоятельными и владели не менее чем 100 ревизскими душами. В данном контексте воспоминания Шомпулева вызывают определённые сомнения. Если эти дворяне соответствовали цензу, то не нуждались ни в доставке в город «патроном», ни в оплате проживания во время выборов, и, возможно, не подкупались уездными предводителями или другими покровителями в прямом смысле слова. Претенденты на престижные должности лишь оказывали им любезность, доставляя в город на своём транспорте и приглашая к совместному проживанию на арендуемых квартирах или в гостиницах. Узы, скреплявшие подобные союзы, могли быть разными: родственные связи, приятельские отношения, взаимная поддержка по дележу чиновничьих мест в уезде. Если же мемуарист был точен в интерпретации принципа формирования некоторых уездных «партий» и имел место прямой подкуп части участников выборов, то встаёт вопрос, как на губернские съезды попадали бедные дворяне? Не могли же все они быть уполномоченными от мелкопоместных дворян. Сам Шомпулев не распространялся на этот счёт. Составители же комментариев к его мемуарам для сравнения привели отрывок из записок священника А.И. Розанова, дающий ответ на этот вопрос: «Некоторые, желавшие быть wybranными в предводители, делали запродажные записи мелкопоместным, чтобы те имели ценз и были их сторонниками»¹².

Период подготовки выборов – это и время формирования дворянских группировок – «партий», как именуют их официальные законодательные документы, осуждавшие такую практику. Существование таких «партий» противоречило присяге о беспристрастном выборе, которую все участники голосования должны были принести накануне в церкви. Губернский съезд дворян мыслился

¹⁰ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб., 2004. Т. 1. С. 601.

¹¹ Шомпулев В.А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 121.

¹² Цит. по: Кумаков А.В., Пleshаков И.Н. Примечания // Шомпулев В.А. Указ. соч. С. 309.

Екатериной II как собрание равных и благородных, пекущихся об общем благе и далёких от корыстных интересов. Понятно, что в действительности дело обстояло иначе. Однако утверждение гражданского губернатора о борьбе «партий» при представлении информации о дворянских выборах (особенно после 1831 г.) порой служило основанием для отмены их итогов. Так, ссылка на «дух партий», царивший на тамбовских выборах 1845 г., стала формальным поводом к тому, что Николай I не утвердил ни одного из двух кандидатов в губернские предводители. Характерно, что в архивных материалах о тех событиях мне не удалось обнаружить ни жалоб на пристрастные действия оппонентов, ни явных свидетельств борьбы «партий». Напротив, наблюдалось массовое нежелание большинства дворян баллотироваться на службу, в том числе уездными предводителями.

Как следует оценивать борьбу дворянских «партий»? С точки зрения действовавшего законодательства и политики имперской власти, она была грубейшим нарушением, искажавшим сам дух благородных выборов и разрушавшим морально-политическое единство дворянской корпорации. Однако я не считаю усилия дворян по формированию собственных «партий» стремлением к фальсификации выборов. Это был нормальный процесс оформления и структурирования групповых локальных интересов. Лишь «партии», в которых в количественном отношении заметную роль играли «запасные», можно связать с фальсификациями. Основанием для такого утверждения служат оценки их современниками – официальные жалобы участников выборов, свидетельства мемуаристов и литераторов, говоривших устами своих вымышленных персонажей.

В России до выборов в I Государственную думу (1906 г.) голосование («баллотирование») осуществлялось шарами (или «баллами»), которые надлежало класть «в приготовленный на столе ящик, перегородженный посредине на две части и покрытый сукном. На правой оною ящика стороне написано: *избираю*, а на левой: *не избираю*»¹³. Чтобы обеспечить избирателям возможность тайного голосования, сукно, покрывавшее ящик, должно было закрывать также отверстия для опускания шаров.

Мудрая Екатерина II понимала, что всегда найдутся желающие фальсифицировать результаты выборов при пособничестве членов избирательной комиссии. Поэтому данный институт и не был создан. В присутствии всех участников выборов после голосования по каждой кандидатуре шары из ящичков высыпали, пересчитывали и записывали в протокол. Полученные результаты утверждались всем собранием специальным приговором. Благодаря таким процедурам обеспечивались прозрачность и действенный контроль избирателей за достоверностью результатов голосования. Некоторые исследователи даже полагают, что благодаря проведению «гласного подсчёта баллов, отданных за кандидатов в должности, подтасовки при выборах были практически исключены»¹⁴.

Казалось бы, Екатерина II предусмотрела всё, чтобы выборы были честными. Однако изобретательные фальсификаторы нашли уязвимые места в избирательных процедурах. Одним из простейших приёмов искажения волеизъявления избирателей было нарушение тайны голосования, для чего вместо баллотирования шарами кандидатов избирали «на голосах». Другим способом

¹³ ПСЗ-I. Т. 17. № 12801.

¹⁴ Чижова В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. На материалах Тверской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001. С. 66.

давления на избирателей было такое расположение «завесы» над урной, чтобы она не закрывала полностью отверстия для опускания шаров. Поэтому уездный предводитель дворянства знал, как проголосовал каждый дворянин. В какой мере данный приём мог повлиять на итоги голосования? Например, на дворянских выборах в Серпухове в декабре 1800 г. уездный предводитель дворянства, добываясь благоприятного для себя исхода голосования, держал «в своих руках ящик с приподнятием несколько завесы, тот ящик покрывающей, побуждал класть в него шары, чем и подал дворянству немалой повод класть те шары в избираемой ящик, дабы он, господин Карачаров, имея в виду оба ящика, на лежащих в неизбираемый не мог иметь после какого-либо неудовольствия»¹⁵. Итак, два небольших нарушения (ящик в руках предводителя и приподнятая завеса) – и голосование перестало быть тайным. Тактика капитана Карачарова оказалась эффективной: при голосовании с соблюдением установленных процедур он получил 16 избирательных баллов, а подполковник И.Р. Кошелев (отец известного славянофила) – 19. Когда же предводитель незаконно устроил перебаллотирование и «умело» взял ящик в свои руки, соотношение сил изменилось – за Кошелева проголосовали 11 человек, а за Карачарова – 19¹⁶.

Ярким примером изобретательности отдельных дворянских «партий» являются выборы 1825 г. в Валуйском уезде Воронежской губ. Там некоторые дворяне брали с блюда лишние шары. Правда, такое жульничество помогло им мало, так как шаров последним участникам выборов не хватило, поэтому председатель собрания настоял на сдаче всех шаров и повторном их получении. Тогда члены той же «партии жуликов и воров» стали перетаскивать шары из избирательной в неизбирательную часть ящика¹⁷. Этот приём был возможен благодаря низкой высоте перегородки между отделениями урны. Однако один из вороватых дворян, выполнявший эту манипуляцию, захватил в горсть слишком много шариков, замешкался и был застигнут на месте преступления уездным предводителем дворянства. Предводитель быстро откинул покрывало, прикрывавшее сверху ящик, и собравшимся во всей красе явилось преступление «благородного» собрата. Не будем кивать на простоту провинциального дворянства. Фальсификация волеизъявления избирателей посредством подтасовки результатов баллотирования шарами иногда практиковалась и в Москве. Впрочем, до выборов 1863 г., когда в одном из ящиков оказалось 56 лишних шаров, сведений об использовании этого приёма московским дворянством обнаружить в источниках мне не удалось¹⁸.

С приёмами манипуляций баллотировочными шарами можно ознакомиться и благодаря беллетристике того времени. Драматург Г.Ф. Квитка, бывший в Харькове уездным и губернским предводителем дворянства, устами канцелярского служащего дворянского собрания повествовал о бытовавших в первой четверти XIX в. способах фальсификации итогов выборов в Малороссии: «Можно бы перед вашей баллотировкой в избирательном ящике оставить шаров десяток, да уж это слишком плоско; сведут итог и, по неверности, перебаллотируют, а это уж никуда не годится. Можно бы ваши избирательные

¹⁵ ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 1, д. 170, л. 52.

¹⁶ Там же, л. 51 об. – 52.

¹⁷ *Литвинова Т.Н.* Губернское дворянское собрание и организация сословных выборов в Воронежской губернии (1800–1831 гг.) // Из истории Воронежского края. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 107.

¹⁸ ЦГА Москвы, ф. 380, оп. 1, д. 75, л. 1–3.

шары, когда вынут из ящика, рассыпать, да собирая дополнить из рукава – и эта штука удавалась мне иногда; но время и люди теперь не те, строго уж очень придерживаются порядка; даже коснулись и к ящикам и так их устроили, что почти ничего не вымудришь. Прежде, бывало, нашему брату ничего не значило тряхнуть ящик и шары все скатывались по желанию, а чиновник сядет на шею дворян против их воли»¹⁹. Итак, Квитка привёл три приёма «вброса» баллов со стороны коррумпированного вспомогательного персонала, обслуживавшего выборы. Один из них – «тряхнуть ящик» – при некоторой ловкости манипулятора был практически неуловим и недоказуем. Однако участники выборов о нём знали, поэтому баллотировочный ящик и был усовершенствован.

Исследуя источники, далеко не всегда легко понять, с чем мы сталкиваемся – с фальсификацией голосования или с непреднамеренным, а иной раз разумным и оправданным нарушением избирательного законодательства. Например, иногда сознательно допускали к баллотированию лиц, бывших под судом, привлечённых порой по самым ничтожным, надуманным поводам. Осознанным и реально безальтернативным для многих губерний до 1830-х гг. был допуск к выборам дворян, не внесённых в родословные книги или не соответствовавших имущественному цензу.

Наш сегодняшний электоральный опыт и правовые представления в некоторых случаях принципиально отличаются от избирательных практик конца XVIII в. С современных позиций нарушение принципа тайного голосования является несомненным доказательством фальсификации. Однако тогда к таким выборам («не прибегая к шарам») относились иначе. Обязательность тайного голосования как необходимого условия справедливых и честных выборов осознавалась дворянством довольно медленно. Долгое время во многих уездах Московской губ. предводителей, земского исправника, уездного судью, судебных заседателей избирали путём баллотирования, а депутатов дворянства и попечителей хлебных запасных магазинов – без ононого («на голосах» или «с общего согласия»). Причина этого отступления от закона при голосовании кандидатов на низшие должности в местной чиновной иерархии была в том, что желавших их занять оказывалось крайне мало. Как правило, с трудом удавалось найти и одного кандидата на должность. Такая практика продолжалась фактически до 1831 г., когда под давлением губернских властей она постепенно прекратилась. Впрочем, скорее, сохранилась, лишь внешне преобразовавшись в иную электоральную процедуру: результаты достигнутой устной договорённости подкреплялись баллотированием кандидата, а также псевдокандидатов, давших согласие на выдвижение лишь для соблюдения предписаний закона, запрещавшего безальтернативные выборы.

Медленно прививалось тайное голосование как единственный способ выборов на должности и в Тамбовской губ., причём нередко отказывались от него даже при выборах на ответственные должности. Так, в декабре 1803 г. в Тамбовском уезде, не прибегая к шарам, «по согласию всего дворянства» были избраны: уездный судья Канбаров, депутат капитан-поручик Я.И. Беклемишев и в кандидаты на должность губернского секретаря дворянства надворный советник И.Л. Житов²⁰. Во всех случаях выразили доверие людям, занимавшим ранее эти должности, и успешно, по мнению собравшихся, исполнявшим

---

¹⁹ Квитка Г. Дворянские выборы, часть вторая, или Выборы исправника / Квитка Г. Драматические сочинения. Т. 2. СПб., 1862. С. 134–135.

²⁰ ГА ТаО, ф. 161, оп. 1, д. 837, л. 12, 12 об., 52 об.

свои обязанности. Вероятно, теми же причинами руководствовались в январе 1806 г. и дворяне Вышневолоцкого уезда Тверской губ., которые без голосования («белыми шарами») переизбрали земского исправника Н.С. Чичерина. Но исполнявший должность губернского предводителя майор Шишков узнал об этом и предписал провести новые выборы в соответствии с законом²¹. Однако и после этого выборы некоторых кандидатов «белыми шарами» в губернии не прекратились.

Отношение дворян к избранию без баллотирования кандидатов на самые высокие должности помогают понять документы о первых выборах предводителя дворянства Московской губ. в 1782 г. Перед началом баллотирования «все уездные предводители представили именем дворянства своих уездов, что в губернские предводители избирают они московского уезда предводителя господина генерал-аншефа и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева». Московский главнокомандующий З.Г. Чернышёв, присутствовавший в зале, не стал предлагать ради соблюдения буквы закона провести баллотирование, а тут же поздравил Шереметева «с доверенностью общества и отличным знаком достоинства, которым дворянство всей губернии его почтило»²². Таким образом, для Чернышёва, как и для большинства дворян, избрание без баллотирования – это не нарушение закона, но символ выражения единодушного доверия благородного общества заслуженному сановнику.

По такому же сценарию вице-губернатор Л.С. Кологривов пытался стать предводителем дворянства Воронежской губ. в 1810 г. Путём неприкрытого давления на избирателей с помощью некоторых уездных предводителей дворянства ему, казалось бы, удалось добиться желаемого – получить все «белые шары». Однако гражданский губернатор всё же утвердил в должности другого кандидата²³: Кологривов не имел права избираться в предводители, во-первых, потому, что состоял на государственной службе, во-вторых, претендовать на эту должность могли лица, служившие ранее губернскими предводителями, или вновь избранные уездные предводители. К тому же при обсуждении вопроса об избрании Кологривова на избирателей оказывалось неприкрытое давление, в котором он сам играл активную роль. Наконец, не была соблюдена необходимая процедура – баллотирование шарами. Если в 1782 г. избрание без голосования московским губернским предводителем Шереметева воспринималось участниками как правомерное, то для 1810 г. подобное стало уже серьёзным нарушением даже в провинции. Впрочем, в то время вопрос, признать ли избрание без баллотирования законным, во многом зависел от позиции губернатора. В некоторых губерниях дворяне с сознанием собственной правоты продолжали игнорировать процедуру баллотирования при выборах губернского предводителя. Так, в январе 1813 г. «подтверждён был единогласно» на новый срок тверской губернский предводитель действительный статский советник М.В. Неклюдов. И лишь после его решительного отказа от должности прошли выборы нового предводителя в соответствии с законом²⁴.

Фальсификация выборов при оформлении результатов голосования была уделом предводителей дворянства. При заполнении баллотированных списков,

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГА ТвО), ф. 59, оп. 1, д. 185, л. 137, 148–150.

²² ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 30, д. 1, л. 39 об.

²³ Литвинова Т.Н. Указ. соч. С. 102–104.

²⁴ ГА ТвО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 94.

т.е. протоколов с результатами голосования, либо вносили заведомые искажения, либо убрали детали, свидетельствовавшие о нарушениях законов. Так, в документах о дворянских выборах в Серпуховском уезде 1800 г. нет ни единого намёка на грубейшие нарушения избирательной процедуры. О таковых (допуске к выборам лиц, не имевших права в них участвовать, отказе некоторым дворянам, которых следовало допустить к голосованию, нарушении тайны голосования) мы узнаём лишь из жалобы уездного судьи А.В. Есенева. Как отреагировали на такое попрание закона предводителем Карачаровым губернские власти? Ни губернский предводитель А.Г. Петрово-Соловово, ни гражданский губернатор П.Я. Аршеневский этой проблемой не занимались. Губернатор признал, что «надлежало бы утвердить г-на Кошелева, но как он, по уверению г-на Карачарова, и на выборе не был за болезнию, а к тому и избирательный список утверждён подписанием бывших на выборе дворян на имя г-на Карачарова, то и не нахожу я нужды в дальнейшем исследовании». После повторного обращения губернского предводителя о необходимости расследования Аршеневский с некоторым раздражением ответил, что считает дело закрытым, ибо выбор Карачарова «утверждён подписанием многих дворян», поэтому «по протесту одного только производить дальнейшего следствия не нужно»²⁵.

По мнению Аршеневского, допущенная предводителем подтасовка итогов выборов легализовалась благодаря утверждению результатов голосования уездным дворянским собранием. Таким образом, во-первых, мнение последнего оказалось выше закона; во-вторых, логика большинства, пусть и противоположная, позволила игнорировать мнение меньшинства, хотя бы легитимное и справедливое. Такая странная логика губернатора (в прошлом губернского прокурора) опиралась на устойчивый пласт патриархальной ментальности дворянства. Согласно массовым представлениям, институт выборов – привилегия, дарованная матушкой-императрицей благородному сословию. О том же говорилось и в законодательных актах Екатерины II. Поэтому Аршеневский, как и З.Г. Чернышёв, а также, вероятно, большинство их современников, полагал, что дворяне-избиратели имеют право в случае достигнутого консенсуса игнорировать некоторые электоральные процедуры.

Законодательство о выборах допускало возможность влияния губернской власти на волеизъявление избирателей. Механизм её прямого воздействия на результаты выборов был заложен в порядке утверждения в должности избранных кандидатов. Каким было «пространство свободы» у наместника или губернатора на этой стадии выборов? В литературе оно иногда предстаёт фактически безграничным. Например, И.В. Минникес писала: «По грамоте 1785 г., выборы уездного или окружного судьи, земского исправника или капитана совершенно очевидно зависят от губернатора: “Буде за ними нет явного порока, то губернатор *подтверждает* дворянский выбор”»²⁶. С такой трактовкой законодательства – будто бы выборы «очевидно зависят от губернатора» – невозможно согласиться. Ссылаясь на англоязычную статью Р. Джонса²⁷, Минникес, к сожалению, не уделила должного внимания самому тексту закона. Между глаголами «подтверждать» и «утверждать» есть разница, что хорошо знала Екатерина II.

²⁵ ЦГА Москвы, ф. 4, оп. 1, д. 170, л. 51–52; д. 169, л. 35; д. 170, л. 97.

²⁶ Минникес И.В. Выборы в российском государстве в XVIII веке: историко-правовое исследование. Иркутск, 2006. С. 91.

²⁷ Jones R.E. Catherine the Great and the Russian Nobility // Russland zur zeit Katharinas II / Hrsg. E. Hubner, J. Kusber, P. Nitsche. Köln, 1998. P. 107.

У неё губернатор «подтверждает» выбор всех избранных должностных лиц за единственным исключением – губернского предводителя, которого «назначает» из двух кандидатов, набравших наибольшее число баллов²⁸.

В свою очередь, В.М. Клеандрова, основываясь на законодательстве, констатировала, что «выбор дворян был обязателен для губернатора и генерал-губернатора, так как не подтвердить дворянский выбор он мог только в случае установления у кандидата “явного порока”»²⁹. Однако это формально-юридический взгляд на проблему, реальная ситуация была сложнее. Иногда в разных губерниях одного региона избрание «либо являлось результатом волеизъявления большинства местного “благородного общества”, либо проходило под контролем губернатора», – к такому выводу пришёл С.В. Першин, исследовавший дворянские выборы в Пензенской и Симбирской губерниях³⁰. Впрочем, даже вмешательство губернатора в ход выборов не всегда означало, что он руководствовался собственными интересами, а не стремился к принятию оптимального решения, учитывающего интересы конкретных людей. Так, предложение рязанского наместника М.Ф. Каменского выбранному уездному предводителю дворянства принять должность уездного судьи сегодня может показаться явным свидетельством его прямого давления на дворян. Своё влияние на принятие этого решения подтвердил и сам Каменский в донесении императрице Екатерине II. Он сообщал об уездном предводителе – капитане кн. Гагарине, который уже 9 лет был предводителем, «но как он убог, то дворянство, назнача его предводителем, хотело дать ему чин уездного судьи, а он последнего брать не похотел, желая остаться предводителем и без жалованья... А потому я принужден нашелся сказать ему во уважение сих обстоятельств, что представлю о нынешнем его за девять лет его предводительства и чтоб остался он уездным судьей, уступя предводительство другому, на что он и согласился. Все сие происходило при всем дворянстве всей губернии»³¹.

Полагаю, что есть все основания принять аргументы Каменского как искренние и правдивые. В пользу этого свидетельствуют многие факты. Так, в 1781 г., когда произошли данные выборы, для государева наместника, заинтересованного в успешном функционировании уездных и губернских учреждений, должность уездного судьи была важнее должности уездного предводителя. Перемещение предводителя на должность уездного судьи не было инициативой Каменского, он лишь поддержал желание дворянского собрания дать «место» бедному дворянину, пользующемуся уважением своих собратьев. Окружные дворяне, избрав Гагарина предводителем, наивно пытались обеспечить его жалованьем за счёт исполнения им по совместительству должности судьи. Подобное совместительство было недопустимо. Поэтому Каменский предложил такую рокировку, чтобы материально помочь бедному, но честолюбивому предводителю, руководствуясь к тому же представлениями об общем благе. И решение дворян, и убеждение Гагарина Каменским в присутствии дворянства всей губернии – всё это явления патриархальной политико-правовой куль-

²⁸ Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. С. 37.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Першин С.В. Реализация избирательных прав дворянством в первой половине XIX века (по материалам Пензенской и Симбирской губерний) // Глобализация и этнокультурное развитие регионов России: Материалы Всероссийской научной конференции. Саранск, 2008. С. 213.

³¹ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 968, л. 4 об.–5.

туры, а отнюдь не доказательство фальсификации результатов выборов, как это может показаться сегодня.

Во многих губерниях различались не только практики утверждения избранных лиц, но и словоупотребление. Так, на рубеже XVIII–XIX вв. московские и тверские губернаторы уже «утверждали» избранных к должностям, а в Тамбовской губ. ещё соблюдалась екатерининская традиция. Здесь в январе 1798 г. губернатор избирал и утверждал «обыкновенным порядком» губернского предводителя из двух кандидатов, набравших наибольшее число баллов. В заключительный же пятый день выборов губернский предводитель представлял «новоизбранных уездных предводителей и других чиновников» губернатору «для подтверждения по силе 65-й, 66-й и 67-й статей Высочайшего учреждения» (курсив мой. – А.К.)³².

Возвращаясь к проблеме влияния губернаторов на утверждение лиц, избранных дворянством на службу, отметим: даже с «явным пороком», наличие которого давало губернатору возможность устранения избранного кандидата, всё было отнюдь не явно. Откровенно «порочными» выглядели уголовные преступники со следами физических увечий по приговору суда: вырванные ноздри или клеймо, нанесённое на лицо. Но что такое для дворянина «явный порок» – было не столь очевидно, законодательство не конкретизировало это понятие. Наиболее весомым доводом не утверждать кандидата для губернатора был факт судимости или нахождения под судом. Так, в декабре 1814 г. тверской губернатор из-за судимости отклонил кандидатуры сразу девяти, избранных на должности³³. Но губернаторы не всегда располагали необходимой информацией о судимости или соответствии кандидата установленным цензам. По этой причине в декабре 1826 г. тверским губернатором был утверждён в должности старицкого уездного судьи подполковник В.И. Казнаков, отставленный по Высочайшему повелению от должности земского исправника по обвинению в лихоимстве (правда, впоследствии признанному судом ложным)³⁴. Иногда губернаторы вполне осознанно подтверждали дворянский выбор, зная о нахождении избранных лиц под судом. Например, в 1814 г. костромской губернатор санкционировал допуск к службе трёх земских исправников, бывших под судом. Лишь благодаря рапорту губернского прокурора министру юстиции Сенат отменил их утверждение³⁵, но губернатор никаким санкциям подвергнут не был.

Когда говорят о вмешательстве властей в дворянские выборы, обычно имеют в виду верхний уровень местной власти – губернатора или генерал-губернатора. Однако выборы уездных судей по Московской округе 1801 г. обнаруживают, что пересмотреть итоги голосования мог и уездный предводитель дворянства. При этом не обязательно было прибегать даже к подтасовке итогов. В мае 1801 г. кн. Пётр Волконский уведомил московского главнокомандующего графа И.П. Салтыкова: «Бушуев в первый, а я во второй департаменты судьями при всём собрании провозглашены и поздравляемы были, но после того чрез несколько минут не известно мне для какой причины господин дворянский предводитель Палибин собранию словесно объявил, что хотя и выбран Бушуев в первый, но ему присутствовать во втором, а мне в первом департаментах». «Некоторые из дворян сделали ему возражение, что оное вопреки Высочайше-

³² ГА ТаО, ф. 161, оп. 1, д. 635, л. 20–20 об., 22.

³³ ГА ТвО, ф. 59, оп. 1, д. 555, л. 134.

³⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1827 г., д. 548, л. 1–1 об., 55–55 об.

³⁵ Там же, ф. 1151, оп. 1, 1814 г., д. 3–3 об., 5.

му учреждению, но сие оставлено им без внимания». Протесты имели лишь словесный характер, так что Московское губернское правление утвердило Волконского и Бушуева в должностях в предложенном Палибиным порядке. Салтыков оперативно направил запрос к губернскому предводителю дворянства А.Г. Петрово-Соловово, который «умыл руки», сославшись на волю гражданского губернатора, утвердившего итоги выборов³⁶. От дальнейших шагов Салтыков воздержался, вероятно, полагая, что если губернского предводителя игнорирование воли дворянского собрания не волнует, то и у него нет основания для пересмотра решения губернского правления.

Пренебрежение волеизъявлением дворян не было следствием законодательных предписаний Павла I об усилении бюрократического контроля за выборами. Оно опиралось на пласт патриархальной ментальности, сформировавшейся традициями служилого сословия, для которого воля начальства – руководство к действию. Сервильность, против которой у Грибоедова восстал Чацкий, ещё не осознавалась в среде благородного сословия как недостойное явление. Поэтому утверждение А.А. Прозоровского о его праве наставлять московское дворянство: «Всемиловнейше от ея императорского величества возложенная на меня должность главнокомандования Москвою и губернией, по которой имею честь и почтенным здешним благородным обществом начальствовать»³⁷, – не встречало возражений у губернского предводителя и дворянского общества. Вместе с тем умные генерал-губернаторы и гражданские губернаторы предпочитали не вступать с губернской корпорацией дворянства в конфликты при утверждении итогов выборов. Назначая губернским предводителем того из двух кандидатов, кто набрал больше баллов, губернатор публично демонстрировал приверженность невмешательству в выборы и уважение к дворянской корпорации.

Иначе повёл себя тульский губернатор Н.П. Иванов, который в январе 1811 г. назначил предводителем не кандидата, набравшего наибольшее число голосов (Веневского предводителя коллежского советника В.И. Похвиснева), а генерал-лейтенанта кн. Н.А. Волконского. Такое назначение было воспринято большинством избирателей как «обида всему дворянскому сословию и лично самому г-ну Похвисневу, ибо Похвисневу положено 202, а князю Волконскому 180 баллов». Пятичасовые дебаты по поводу назначения предводителем кн. Волконского (избранного заочно) обнаружили локальную консолидацию на уровне уездов. Дворяне трёх уездов, если верить губернатору, единодушно остались довольны его выбором, но дворяне девяти прочих проявили готовность отстаивать свой выбор. Их предводители вместе с бывшим губернским предводителем кн. П.С. Вадбольским пришли к губернатору с просьбой «переменить» принятое им решение. «Переменить», а не просить разъяснить обществу его выбор.

Это представленное «желание» дворянства об утверждении кандидата, набравшего большее число голосов, позволяет рассматривать позицию большинства тульских дворян как гражданское действие. Губернатор заявил представителям недовольного большинства, что отменить «по требованию» дворянства своё решение «ни закона, а тем менее власти я не имею»³⁸. Характерно, что он усилил позицию дворянства, подменив «желание» на «требование». Вероятно, тем самым он хотел подчеркнуть перед пришедшими незаконность их пове-

³⁶ Там же, л. 258, 26–26 об.

³⁷ Там же, д. 168, л. 6 об.

³⁸ Там же, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 61 об.–62.

дения. Вполне возможно, впрочем, что формулировка о «требовании» дворян появилась уже в процессе написания им рапорта в Петербург. В любом случае для губернатора подобное «представленное желание» было равносильно «требованию», ибо своим приходом и просьбой тульские предводители покушались на его компетенцию, прерогативу «назначать» из двух кандидатов губернского предводителя.

Использование губернатором этого права встретило протест части тульской элиты, выразившийся в саботаже его распоряжений по выборам, которые продолжились лишь на следующий день, причём с большой задержкой. В.И. Похвиснев, который, как кандидат губернского предводителя, должен был руководить выборами, в собрание не явился, уведомив губернатора, что болен. С ним проявил солидарность следующий по баллам кандидат – тульский уездный предводитель, коллежский асессор Д.С. Мансуров, также сказавшийся больным. Возникла непредусмотренная регламентом пауза: дворяне собрались в зале, но руководить выборами было некому. Губернский прокурор Гурьев, оценив напряжённую обстановку, отправился к губернатору. Характерно, что, по мнению Иванова, главный в губернии блюститель закона – прокурор, также был не на его стороне. Прокурор заявил, «что выборы остановились; желая как бы тем поставить меня в затруднение», – жаловался начальству Иванов. Решить «затруднение» губернатору помог конформизм Одоевского предводителя коллежского советника Голубкова, под руководством которого выборы и были завершены³⁹.

Донесение губернатора Иванова исполнено чувством законного удовлетворения: как он полагал, ему удалось показать дворянству, кто в губернии хозяин, и сохранить лицо перед петербургским начальством. Однако губернский прокурор был более прозорлив, ибо использование губернатором права назначить второго по баллам кандидата, формально находясь в рамках закона, было чревато конфронтацией с дворянским обществом. И она вскоре началась. Губернатор же не понял, что вслед за прекратившимся открытым протестом развернётся закулисная борьба за пересмотр его решения. Похвиснев подал жалобу монарху. В сложившейся ситуации у кн. Волконского остался один выход сохранить репутацию – отказаться от должности предводителя. Вероятно, и отставка Иванова с губернаторского поста в июле 1811 г. была следствием жалобы Похвиснева, служившего после этого губернным предводителем два трёхлетия подряд в 1811–1816 гг. Проявленная Мансуровым в противостоянии с губернатором принципиальность также не была забыта тульским дворянством, которое впоследствии четыре срока подряд избирало его своим предводителем⁴⁰.

Законодательство о выборах рассматриваемого времени было достаточно противоречивым. С одной стороны, оно (особенно до 1831 г.) настаивало на соблюдении демократических процедур: прямое, равное, тайное и альтернативное голосование. Причём можно констатировать, что самыми ярыми поборниками соблюдения электоральных процедур и честных выборов были российские монархи, начиная с Екатерины II. А с другой стороны, в законодательство была заложена ограниченная, но легитимная возможность нарушения волеизъявления избирателей. Речь идёт об упомянутом праве генерал-губернатора или губернатора (после 1831 г. – императора) назначить на должность губернского предводителя дворянства любого из двух первых по результатам

³⁹ Там же, л. 62 об.–63.

⁴⁰ Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 312.

баллотирования кандидатов. Таким образом, закон позволял власти искажать волю избирателей, т.е. фальсифицировать итоги выборов.

Верховная власть пыталась (но далеко не всегда могла) обеспечить честные и справедливые выборы. Можно констатировать, что имели место и целиком сфальсифицированные избирательные кампании, особенно широко практиковавшиеся до 1832 г. Насколько велик был масштаб электоральной коррупции и фальсификации на дворянских выборах? Разумеется, мы никогда не узнаем, каков был процент сфальсифицированных кампаний в общем объеме выборов. Проведение таких кампаний на уездном уровне – дело несложное, но на губернском был необходим серьёзный властный ресурс. Об одной из сфальсифицированных кампаний писал в воспоминаниях И.М. Долгоруков. Основным методом, использованный губернатором, был прост – давление на избирателей с помощью чиновников, участвовавших в организации выборов. Мемуарист также порицал сервильность дворян, которые «кидали все белые шары в пользу того, кого приказывал избирать господин губернатор чрез губернских стряпчих»⁴¹.

Аналогичные методы имелись и в арсенале губернских предводителей дворянства. Их способы влияния на электорат были даже разнообразнее, чем у губернаторов. Так, в 1805 г. рязанский губернский предводитель генерал-майор Л.Д. Измайлов «распределил» между приверженными ему дворянами должности и требовал от других, чтобы выбрали именно его ставленников. При открытии собрания он запретил секретарю дворянства читать обряд выборов и статьи закона, приказав читать лишь начало и конец. Кроме того, Измайлов фактически отменил тайное голосование при собственном баллотировании: уездные предводители поставили перед собой на столах ящики с неприкрытыми перегородками, так что было видно, кто куда кладёт шар, а иногда отбирали у дворян шары и клали их в избирательную часть ящика. Тем же, кто оспаривал грубейшие извращения правил баллотирования, Измайлов, как доносил полицмейстер губернатору, грозил мщением и обещал сделать их несчастными⁴². Следует заметить, что таковыми именовали тогда заключённых и ссыльных, поэтому, зная крутой и мстительный нрав Измайлова, многие дворяне в обещании сделать «несчастными», вероятно, увидели не фигуру речи, а реальную угрозу.

Разумеется, подобные избирательные «технологии», не говоря уже об организации сфальсифицированной губернской избирательной кампании, были под силу лишь губернаторам и губернским предводителям дворянства, руководившим выборами. В случае отсутствия губернского предводителя возможность использовать организационный ресурс появлялась у кандидатов, имевших сторонниками некоторых уездных предводителей дворянства, в числе которых был человек, замещавший губернского предводителя. Именно с помощью такого «организационного» ресурса упомянутый воронежский вице-губернатор Л.С. Кологривов организовал успешную сфальсифицированную избирательную кампанию. Итоги её, правда, были отменены центральной властью, и Кологривов счёл за благо сменить место службы. Впрочем, эта неприглядная история не повлияла на репутацию её «героя» в придворных кругах, а вскоре он даже получил повышение по службе – стал тверским губернатором.

Каково было влияние негативных явлений, сопровождавших избирательные кампании, на сам институт дворянских выборов? Разнообразные практики фальсификации результатов голосования быстро привели к расширению коррумпированной части электората, падению престижа выборных служб и самого

⁴¹ Долгоруков И.М. Указ. соч. Т. 1. С. 307.

⁴² Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007. С. 140–141.

института выборов. Среди участников дворянских съездов, многие из которых не осознали значение дарованного им верховной властью права голоса, стала заметной тенденция перехода от сервильности, когда бескорыстно голосовали за кандидата «власти», поддержанного губернатором, предводителем или богатым помещиком, к коррупции, когда избиратели откровенно продавали голоса заинтересованным кандидатам.

Вместе с тем импульс, исходивший из предоставления Екатериной II избирательных прав («привилегий») дворянству, был достаточно сильным для того, чтобы немалая его часть восприняла декларированные императрицей идеи. Вначале отдельные дворяне, а затем группы, не желая мириться с электоральной фальсификацией, стали использовать разные способы борьбы с этим явлением. Правительство же нашло свой ответ на вызов, брошенный ростом подобных правонарушений, – резкое повышение имущественного ценза для обладания активным избирательным правом. Однако такое решение шло вразрез с мировой тенденцией распространения избирательных прав на новые слои населения: так, в Англии в результате реформы 1832 г. электорат вырос с 400 до 650 тыс. человек (более чем на 60%)⁴³, а в России тогда же электорат дворянских выборов сократился примерно вдвое.

---

⁴³ Phillips J.A., *Wetherell Ch. The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England* // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100, p. 413–414.

«Набрать поболее дамских уполномочий»: участие дворянок в сословных выборах в первой половине XIX в. (по материалам Рязанской губернии)

Елена Корчмина

«To collect more ladies' votes»: noble women's participation in the gentry's elections of the first half of the nineteenth century (Ryazan region case)

Elena Korchmina (National Research University Higher School of Economics, Russia)

«Другое средство увеличить силу партии – это набрать поболее дамских уполномочий. Для этого задолго ещё до выборов головы партий и их деятельные сподвижники принимают всяких стодушных помещиц. Это большею частью старые девицы или вдовы. К живущим в деревнях едут сами, даже делают новые знакомства, действуют на них через родных, на страх ханжей чрез попов, рассыпают пред ними в любезностях, уверяют в преданности к ним и

© 2015 г. Е.С. Корчмина

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Автор благодарит сотрудников Государственного архива Рязанской обл. (далее – ГА РО), Государственного архива Липецкой обл. (далее – ГА ЛО), РГАДА за помощь в сборе материалов, а также В.С. Дубину, В.Е. Борисова, М.А. Кисёлева, М.Б. Лавринович за ценные замечания.